

ЭНТОНИ
ТРОЛЛОП

*Вот так
мы теперь живем*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 71

Anthony Trollope
THE WAYWE LIVE NOW

Перевод с английского
Екатерины Доброхотовой-Майковой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки
Вадима Пожидаева, Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-25101-4

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод,
примечания, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Глава I

ТРИ РЕДАКТОРА

Позвольте представить вам леди Карбери, которой в нашем рассказе предстоит сыграть заметную роль, когда та сидит за письменным столом в собственном кабинете собственного дома на Уэльбек-стрит. В ту пору леди Карбери проводила здесь много времени и писала много писем — и много чего другого. Она называла себя служительницей Литературы — всегда с большой буквы. О том, каково было это служение, читатель отчасти узнает из трех посланий, начертанных в то утро ее стремительным почерком. Леди Карбери была стремительна во всем, а в писании писем — особенно. Вот первое:

*Четверг,
Уэльбек-стрит*

Любезный друг!

Я попросила, чтобы первые оттиски моего нового двухтомника доставили Вам завтра, самое позднее в субботу, дабы Вы, если захотите, смогли поддержать бедную труженицу в следующем номере Вашей газеты. Поддержите бедную труженицу! У нас так много общего, и я самонадеянно позволяю себе верить, что мы друзья. Скажу без лести, что не только Ваша помощь будет мне полезнее любой другой, но и Ваша похвала польстит моему тщеславию, как ничья иная. Я почти смею думать, что мои «Преступные королевы» Вам понравятся. Очерк о Семирамиде получился по крайней мере живым, хотя мне пришлось исхитриться, чтобы представить ее виновной. Клеопатру я, разумеется, взяла у Шекспира. Ну и особа она была! Я не могла с полным правом объявить

Юлию королевой, однако невозможно было обойти стороной такую пикантную личность. По двум или трем женщинам эпохи Империи Вы увидите, как прилежно я штудировала Гиббона. Бедный Велизарий! С Иоанной я старалась как могла, но так и не сумела проникнуться к ней симпатией. В наше время ее просто заперли бы в приюте для умалишенных. Надеюсь, Вы не сочтете, что я чересчур ярко живописала Генриха VIII и его несчастную, хоть и грешную Говард. Анну Болейн я совершенно не выношу. Боюсь, что немного увлеклась, рассказывая об итальянке Екатерине, и очерк о ней получился слишком длинным, но, сознаюсь, она моя любимица. Какая женщина! Сущий дьявол. Жаль, что не родился второй Данте и не создал для нее особого ада. Как прослеживается ее воспитание в жизни нашей Марии Стюарт! Надеюсь, Вы согласны с моим взглядом на королеву шотландцев. Виновна! Виновна во всем! В прелюбодеянии, в убийстве, в измене и во всем остальном. Впрочем, заслуживает жалости. Королева по рождению, воспитанию и замужеству, в окружении таких королей, как могла она не пасть? Марию-Антуанетту я не вполне оправдала. Это было бы неинтересно — и едва ли верно. И все же я клеймила ее, любя, целовала, бичуя. Надеюсь, британские читатели простят мне, что я не вполне обеляю Каролину, тем более что я вместе с ними осуждаю ее мужа.

Однако мне не следует отнимать у Вас время, посылая Вам еще книгу, хотя мне отрадно думать, что в эту минуту я пишу исключительно для Вас и более ни для кого. Прочтите это как добрый человек и будьте снисходительны. Или, скорее, любите меня как друг.

*Ваша благодарная
Матильда Карбери*

В конце концов, лишь немногие женщины способны поднаться над трясиной того, что мы называем любовью, и стать чем-то большим, нежели игрушкой мужчины. Главный грех почти всех этих царственных грешниц в том, что они стали игрушкой, не будучи женой. Если нынче девушки читают всё, отчего старухе не написать хоть что-нибудь?

Письмо это, адресованное Николасу Брону, эсквайру, главному редактору респектабельной ежедневной газеты «Утренний завтрак», было самым длинным из трех, поскольку на него леди Карбери возлагала самые большие надежды. Мистер Брон был влиятельным журналистом — и любил женщин. Леди Карбери в письме назвала себя старухой, но затем лишь, что прекрасно знала — никто ее такой не считает. Мы не утаим от читателя ее возраст, хотя сама она не открывала его даже ближайшим друзьям, даже мистеру Брону. Ей было сорок три, но она так прекрасно сохранилась и была так щедро одарена природой, что все еще могла считаться красавицей. И она пользовалась этим, не только чтобы усилить свое влияние, что естественно для всякой интересной женщины, но и с расчетом заручиться помощью в добывании хлеба насущного, столь ей необходимого. Чары свои она пускала в ход очень продуманно и осторожно — не влюблялась, не кокетничала напропалую, никому ничего не обещала, только улыбалась, и понижала голос, и поверяла свои маленькие секреты, и заглядывала мужчине в глаза, как будто между ними могла возникнуть загадочная связь, не препятствуя этому загадочные обстоятельства. Однако целью всегда было выманить у издателя высокий гонорар за посредственное сочинение или склонить редактора к снисходительности, когда достоинства написанного требовали суровости. Из всех своих литературных друзей она особенно рассчитывала на мистера Брона, а мистер Брон питал слабость к привлекательным женщинам. Здесь уместно будет привести краткий отчет о небольшой сцене, которая разыгралась между леди Карбери и ее другом примерно за месяц до приведенного письма. Леди Карбери хотела, чтобы мистер Брон опубликовал в «Утреннем завтраке» серию ее статей и заплатил за них по первому разряду, но подозревала, что оценивает он их довольно низко, и знала, что без особого расположения с его стороны не может рассчитывать на оплату выше второго, а то и третьего разряда. Поэтому она смотрела мистеру Брону в глаза и на миг задержала свою мягкую пухлую ручку в его руке. Мужчины в таких обстоятельствах бывают очень неловки и часто не знают,

когда делать одно, а когда другое! Мистер Брон, расчувствовавшись, обнял леди Карбери за талию и поцеловал. Сказать, что леди Карбери возмущалась, как возмущались бы на ее месте многие дамы, значило бы выставить ее в превратном свете. Такой пустяк мог повредить ей лишь в одном случае — если бы рассорил ее с полезным человеком. Ее стыдливость не была задета. Она вовсе не чувствовала себя оскорбленной. Ее не убудет, если только сразу убедить старого любвеобильного осла, что так не пойдет.

Не затрепетав, не покраснев, она высвободилась из его объятий и произнесла великолепную маленькую речь:

— Мистер Брон, как дурно, как некрасиво, как глупо! Вы же не хотите погубить нашу дружбу!

— Погубить нашу дружбу, леди Карбери! Конечно нет!

— Тогда отчего вы себе такое позволили? Подумайте о моих сыне и дочери, уже взрослых. Вспомните о моих прошлых незаслуженных страданиях. Никто не знает о них лучше вас. Подумайте о моем добром имени, которое столько чернили, но так и не смогли опорочить! Скажите, что сожалеете, и все будет забыто.

Мужчине, поцеловавшему женщину, неловко в следующий миг заявить, что он сожалеет, — это будет выглядеть так, будто поцелуй не оправдал его надежд. Мистер Брон не мог выразить раскаяния, и, возможно, леди Карбери не вполне этого ждала.

— Я ни за что на свете не хотел бы вас оскорбить, — сказал он.

Извинения вполне удовлетворили леди Карбери; она снова посмотрела ему в глаза, и мистер Брон пообещал напечатать ее статьи — за щедрый гонорар.

Леди Карбери осталась в целом довольна встречей. Разумеется, борьба за существование не обходится без мелких неприятностей. Дама, берущая кэб, вынуждена мириться с грязью и пылью, от которых избавлена ее богатая соседка, разъезжающая в собственном экипаже. Она предпочла бы, чтоб ее не целовали, но что за печаль? Мистера Брона происшествие задело куда сильнее. «Чтоб им всем! — пробормотал он себе под нос, выходя из дома. — Никакой опыт не научит их понимать». Идя прочь, он почти думал,

что леди Карбери ждала второго поцелуя, и почти корил себя за робость. С тех пор они виделись три или четыре раза, но он не возобновлял своих поползновений.

Перейдем теперь к двум следующим письмам. Оба предназначались редакторам других газет. Адресат второго, мистер Букер из «Литературной хроники», был знаток литературы, очень усердный, отнюдь не обделенный талантом, влиянием и честностью. Однако житейские трудности и компромиссы, к которым его мало-помалу вынуждали, с одной стороны, требования издателей, думающих только о выгоде, с другой — натиск собратьев-литераторов, привели к тому, что он занялся поденщиной, при которой трудно оставаться разборчивым и почти невозможно сохранять литературную честность. Сейчас это был лысый шестидесятилетний старик, обремененный множеством дочерей, из которых одна, вдова с двумя малолетними детьми, находилась полностью на его иждивении. В «Литературной хронике», которая его трудами стала приносить хорошую прибыль, он получал пятьсот фунтов в год, а кроме того, писал в журналы и чуть ли не каждый год публиковал очередную книгу. Ему удавалось оставаться на плаву, и все, знавшие о нем, но не знавшие его, считали, что мистер Букер достиг в жизни успеха. Держался он всегда бодро и в литературных кругах умел показать свою независимость. Впрочем, обстоятельства научили его не привередничать, и независимость была ему не по карману. Надо признать, что о литературной щепетильности он давно уже не вспоминал. Письмо № 2 было таким:

*Уэльбек-стрит
25 февраля 187...*

Любезный мистер Букер!

Я попросила мистера Лидхема — [мистер Лидхем был старшим партнером издательского дома «Лидхем и Лойтер»] — прислать Вам один из первых экземпляров моих «Преступных королей». Я уже договорилась с моим другом мистером Броном, что напишу для «Утреннего завтрака» обзор Вашей книги «Новая сказка бочки». Собственно, я уже при-

ступила к этому обзору и прилагаю к нему большие усилия. Известите меня, если у Вас есть особые пожелания касательно того, как изложить Ваши взгляды на современный протестантизм. Буду признательна, если Вы напишете об исторической точности моих очерков, за которую я вполне ручаюсь. Не откладывайте свой обзор, поскольку продажи сильно зависят от раннего внимания прессы. Я получаю только роялти, а их начнут выплачивать лишь после того, как продадутся первые четыреста экземпляров.

*Искренне Ваша
Матильда Карбери*

Альфреду Букеру, эсквайру, контора «Литературной хроники» на Стрэнде

Ничто в этом письме не шокировало мистера Букера. Он беззвучно хмыкнул при мысли, что леди Карбери станет излагать его взгляды на протестантизм, и подумал об исторических ошибках, которыми наверняка изобилует ее книга. Мистер Букер не сомневался, что эта умная дама пишет о том, в чем ничего не смыслит. Тем не менее он прекрасно понимал, что благожелательный отзыв в «Утреннем завтраке» пойдет на пользу его чрезвычайно глубокому труду под названием «Новая сказка бочки», даже если выйдет из-под пера литературной шарлатанки, и готов был без всяких угрызений совести отплатить ей похвалами в «Литературной хронике». Он, вероятно, не станет говорить, что книга точна, но скажет, что это увлекательное чтение, что женские характеристики королей выписаны мастерски и что сочинение наверняка найдет дорогу в гостиные. Такая работа была ему не в новинку, и он умел отозваться о подобного рода опусах, не особо в них вникая. Он даже мог сделать это, не разрезая страницы, чтобы затем продать книгу как новую. Впрочем, мистер Букер был человек честный и постоянно боролся с литературными злоупотреблениями. Разгонистая печать, короткие строки и французская манера заполнять несколькими словами целую страницу — все это он обличал в самых суровых выражениях и слыл своего рода Аристидом между кри-

тиками. Однако житейские обстоятельства не позволяли ему во всем противиться обыкновениям своего времени. «Дурно, разумеется, это дурно, — сказал он как-то молодому другу, работавшему с ним в газете. — Кто сомневается? Сколько всего дурного мы делаем! Но если мы попытаемся разом исправить все, в чем поступаем дурно, то никогда не сделаем и ничего хорошего. Я не в силах изменить мир, и сомневаюсь, что вам это по силам». Таков был мистер Букер.

Было еще письмо № 3, мистеру Фердинанду Альфу. Мистер Альф был главным редактором и, по слухам, почти единоличным хозяином «Вечерней кафедры», которая в последние годы сделалась «выгодным дельцем», как выражаются в кругах, связанных с прессой. «Вечерняя кафедра» ежедневно сообщала читателям, что сказали и сделали к двум часам дня все видные люди столицы, и с поразительной точностью предрекала, что они скажут и сделают в следующие двенадцать часов. Все это преподносилось тоном вездесущего всеведения, и зачастую трудно было сказать, чего в этом больше — наглости или невежества. Но писали авторы «Кафедры» хорошо. Факты, если и не соответствовали истине, были выдуманы очень ловко, а доводы восполняли недостаток логики своей соблазнительностью. Мистер Альф обладал счастливым даром чувствовать, чего хотят его читатели, и так подавать сюжеты, чтобы чтение было приятным. «Литературная хроника» не имела определенного политического направления. «Утренний завтрак» был безусловно либеральным. «Вечерняя кафедра» много писала о политике, но твердо держалась своего девиза

Nullius addictus jurare in verba magistri¹

и пользовалась бесценной привилегией ругать все, что делает и та и другая сторона. Газета, желающая много зарабатывать, не должна тратить место в колонках и утомлять

¹ «Не присягая на верность словам какого бы то ни было учителя» (лат.). Гораций. Послания, I, 1, 14.

читателей похвалами чему бы то ни было. Панегирики всегда скучны — факт, который мистер Альф обнаружил и применил в деле.

Более того, мистер Альф обнаружил и другой факт. Хула из уст того, кто иногда хвалит, задевает лично, что порой опасно, а вот порицание со стороны тех, кто видит одни лишь недостатки, перестает быть обидным. Карикатурист, который рисует одни карикатуры, может уродовать чужие тела и лица сколько угодно. Это его ремесло, и оно требует пачкать все, к чему прикоснешься. Но если художник напечатает серию портретов, в которой два из десяти будут безобразны, он точно наживет двух врагов, если не больше. Мистер Альф не наживал врагов, ибо никого не хвалил и, насколько можно было судить по его газете, ничем не бывал доволен.

Лично мистер Альф был человек незаурядный. Никто не знал, откуда он взялся. Полагали, что по рождению он немецкий еврей, и некоторые дамы якобы улавливали в его речи легчайший иностранный акцент. Тем не менее все соглашались, что английским он владеет как природный англичанин. За последние года два он, как выражаются, «пошел в гору», и очень значительно. В трех-четыре клубах его забаллотировали, но он добился избрания в два или три других, а о тех, которые его отвергли, говорил так, что все понимали — эти клубы замшелые, костные и отжившие свой век. Он постоянно намекал, что не водить знакомство с мистером Альфом и не понимать, что знакомство это весьма желательное, где бы мистер Альф ни родился и кем бы ни был раньше, — значит ничего не смыслить в жизни. И постепенно эти намеки так убедили всех вокруг, что мистер Альф сделался значительной фигурой в мире политики, словесности и моды.

Он был приятной наружности, лет сорока, но с манерами человека много моложе, худощавый, росту ниже среднего, с темно-каштановыми волосами, в которых, если бы не краска, проблескивала бы седина. Улыбка, постоянно игравшая на его правильном лице, могла бы показаться любезной, не противоречь ей цепкий холодный взгляд. Оде-

вался мистер Альф с величайшей простотой и величайшей тщательностью, был холост, владел домом на Беркли-сквер, где давал превосходные обеды, и держал в Нортгемптоншире нескольких охотничьих лошадей. По слухам, «Вечерняя кафедра» приносила ему шесть тысяч фунтов в год, и тратил он из них примерно половину. Он был на дружеской ноге с леди Карбери, которая с неустанным рвением заводила и поддерживала полезные знакомства. Мистеру Альфу она написала следующее:

Любезный мистер Альф!

Откройте мне, кто написал разбор свежей поэмы Фицджеральда Баркера. Впрочем, я знаю, Вы мне не скажете. Я не припомню такой блистательной критики. Думаю, бедняга до осени не посмеет смотреть людям в глаза. Что ж, поделом ему! Я терпеть не могу тех якобы поэтов, которые пронырством и лестью делают своим книгам известность. Я не знаю никого, к кому свет был бы добрее, чем к Фицджеральду Баркеру, однако ни у кого эта доброта не доходит до того, чтобы прочесть его стихи.

Не удивительно ли, что некоторые приобретают славу популярного автора, не добавив отечественной литературе ничего достойного? Такая дутая слава создается неустанным самовосхвалением. Превозносить себя и выманивать похвалы у других — целая отрасль нового ремесла. Увы мне! Хотела бы я сыскать школу, где давали бы уроки такому бедному новичку, как я. Как ни противны мне подобные ухищрения и как ни восхищает меня упорство, с которым «Кафедра» им противостоит, я настолько нуждаюсь в поддержке моих скромных усилий и так тяжело и честно тружусь ради возможности получать доход от писательства, что, представься мне такая возможность, пожалуй, спрятала бы честь в карман, отбросила высокие чувства, говорящие, что похвалу нельзя покупать ни деньгами, ни дружбой, и унизилась бы до недостойного искательства, лишь бы сказать однажды с гордостью, что успешно обеспечиваю детей плодами своего пера.

Впрочем, я не дошла еще до такого падения и посему смело говорю Вам, что буду ждать, не с озабоченностью, а с любопытным интересом, что напишет «Кафедра» о моих «Преступных королевах». Я смею думать, что книга, пусть и написанная мной, сама по себе значительна и потому заслуживает некоторого внимания. Ничуть не сомневаюсь, что все мои неточности выставят напоказ, а мою самонадеянность заклеят позором, но, полагаю, обозреватель сможет засвидетельствовать, что очерки жизненны, а портреты прописаны основательно. По крайней мере, Вы не позволите сказать, что лучше бы я сидела дома и штопала чулки, как Вы отозвались недавно о бедной миссис Эффингтон Стаббс.

Я не видела Вас вот уже три недели. Каждый вторник у меня собираются вечером несколько друзей, — пожалуйста, загляните на следующей неделе или через неделю. И знайте, что никакая редакторская или критическая суровость не заставит меня встретить Вас чем-либо, кроме улыбки.

*Искренне Ваша
Матильда Карбери*

Покончив с третьим письмом, леди Карбери откинулась в кресле и на мгновение-другое закрыла глаза, словно собиралась отдохнуть, но тут же вспомнила, что ее деятельная жизнь не допускает отдыха. Посему она схватила перо и принялась за следующие записки.

Глава II

СЕМЕЙСТВО КАРБЕРИ

Некоторые сведения о самой леди Карбери и о ее обстоятельствах читатель получил из предыдущей главы, но кое-что еще нужно добавить. Она утверждала, что ее жестоко чернили, но притом показала себя женщиной, чьи слова не стоит принимать на веру. Если читатель не понял этого из ее писем трем редакторам, то письма эти были написаны впустую. Она заявила, что занялась писательством с благородной целью обеспечить детей. Как ни фаль-

шивы были ее письма редакторам, как ни гнусна система, посредством которой она рассчитывала добиться успеха, как ни бесчестна готовность пресмыкаться, говоря о себе, она, в сущности, не лгала. Ее действительно несправедливо чернили. Она была предана детям — особенно одному из них — и готова была ради них трудиться до седьмого пота.

Она была вдовой некоего сэра Патрика Карбери, офицера, который много лет назад чем-то отличился в Индии, за что получил титул баронета. Он женился на молоденькой, будучи уже в летах, и, запоздало осознав, что совершил ошибку, принялся то баловать, то мучить жену. И в том и в другом он не знал меры. Чем леди Карбери никогда не грешила, так это и намеком на супружескую неверность, даже в мыслях. Когда она, очень хорошенькая восемнадцатилетняя девушка без гроша за душой, согласилась выйти за сорокачетырехлетнего мужчину с большим доходом, то сознательно отказалась от всякой надежды на любовь, какую описывают поэты и о какой почти все в юности мечтают. Сэр Патрик ко времени их женитьбы был лысый краснолицый толстяк, очень своенравный, щедрый, умный и подозрительный. Он умел управлять людьми. Он читал и понимал книги. В нем не было ничего низкого. У него были привлекательные качества. Его можно было полюбить, но он едва ли был создан для любви. Леди Карбери понимала свое положение и твердо решила исполнять свой долг. Перед свадьбой она дала себе слово никогда не флиртовать — и никогда не флиртвала. Пятнадцать лет жизнь у нее была сносная — в том смысле, что леди Карбери могла ее сносить. Три или четыре года они прожили в Англии, потом сэр Патрик вернулся в Индию в новом, более высоком чине. Пятнадцать лет он был властным, часто жестоким мужем, но никогда не ревновал. У них родились мальчик и девочка, которых и мать, и отец чересчур баловали, только мать еще и старалась исполнять в их отношении свой долг, как его понимала. Однако она была с детства научена притворяться, и замужество как будто убеждало ее, что без притворства не обойтись. Мать ее

убежала с любовником, и девочку перебрасывали от одного родственника к другому, так что временами ей грозила опасность вовсе остаться без попечения. Это воспитало в ней хитрость, расчетливость и недоверчивость. При всем том она была умна и среди невзгод своего детства набралась образования и манер. И она была очень хороша собой. Выйти замуж и располагать деньгами, честно исполнять свой долг, жить в большом доме и пользоваться уважением — вот чего она хотела, и в первые пятнадцать лет замужества ей это удавалось, несмотря на трудности. Леди Карбери могла улыбаться через пятнадцать минут после безобразной сцены. Муж даже распускал руки — и первым делом она думала, как это ото всех скрыть. В последние годы он слишком много пил, и она сперва как могла боролась со злом, а затем — употребляла все силы, чтобы скрыть последствия зла, но при этом хитрила, и лгала, и постоянно выкручивалась. Наконец, когда миновала ее первая молодость, она позволила себе завести друзей, и среди них был один мужчина. Если супружеская верность совместима с такой дружбой, если брак не требует от женщины отказываться от дружеских отношений со всеми мужчинами, кроме ее господина и повелителя, то леди Карбери не нарушила своих обетов. Однако сэр Патрик начал ревновать, говорил слова, которые она не могла снести, делал то, что она, при всей своей расчетливости, не могла стерпеть, — и леди Карбери с ним разъехалась. Впрочем, даже и тут она вела себя так осмотрительно, что в каждом предпринятом шаге могла доказать свою невиновность. Жизнь ее в то время для нашей истории не важна; довольно, чтобы читатель знал, за что ее чернили. Месяц-другой друзья сэра Патрика и даже он сам говорили о ней очень дурно, но мало-помалу правда вышла на свет. Через год они снова съехались, и леди Карбери оставалась хозяйкой в доме своего мужа до самой его смерти. Она привезла его в Англию, и в последний недолгий период жизни на родине он был беспомощным инвалидом. Тем не менее скандал ее преследовал, и некоторые не устали напоминать, что

леди Карбери когда-то ушла от мужа, а добрый старый джентльмен принял ее обратно.

Сэр Патрик оставил после себя приличное, но никак не огромное состояние. Сыну, который теперь был сэром Феликсом Карбери, он завещал тысячу фунтов годового дохода и столько же вдове, с условием, что ее доля после смерти отойдет в равных частях сыну и дочери. Таким образом, молодой человек, который еще при жизни отца поступил на армейскую службу и не должен был содержать дом, а к тому же частенько жил у матери, получал ту же сумму, что мать и сестра, вынужденные оплачивать крышу над головой. Впрочем, леди Карбери, в сорок лет получившая свободу от рабства, не намеревалась до конца дней влачить скорбное вдовье существование. До сих пор она исполняла свой долг, помня, что с замужеством взяла на себя обязанность принимать и хорошее, и дурное. Ей, безусловно, выпало очень много дурного. Сносить брань и побои вздорного старика, покуда жесткое обращение не выгнало ее из дома, быть принятой обратно из милости, зная, что на ее репутации лежит незаслуженное пятно, выслушивать нескончаемые попреки, а затем на год или два стать сиделкой при умирающем дебошире — высокая цена за сытую жизнь. Теперь она получила свою награду, свою свободу, надежду на счастье. Леди Карбери высоко себя ценила и приняла кое-какие решения. Время любви прошло, она не позволит себе влюбляться и замуж по расчету тоже больше не выйдет. Однако у нее будут друзья — настоящие друзья, которые ей помогут и которым она тоже, возможно, будет полезной. И она найдет себе какое-нибудь дело, чтобы не скучать. Жить будет в Лондоне и займет там определенное положение. Случай свел ее с литературными кругами, а в последние год-два мысль о писательской карьере укрепилась необходимостью добывать деньги. Леди Карбери с самого начала знала, что придется экономить — не только и не столько от сознания, что им с дочерью будет трудно жить на тысячу в год, сколько из-за сына. Она не желала другой роскоши, кроме дома в месте, которое можно будет назвать фешенебельным. В разумности своей дочери леди

Карбери не сомневалась. Она знала, что на Генриетту можно положиться во всем. А вот на сына, сэра Феликса, положиться было нельзя, и все равно леди Карбери любила его беззаветной материнской любовью.

В то время, с которого начинается наш рассказ, то есть когда леди Карбери села писать редакторам, она отчаянно нуждалась в деньгах. Сэру Феликсу было в ту пору двадцать пять лет. Он четыре года прослужил в модном полку, но уже продал патент и, чтобы сразу сказать правду, прокутил всю полученную в наследство собственность. Все это мать знала, и знала также, что на свой небольшой доход сумеет прокормить и себя, и дочь, и баронета. Однако она не знала, сколько у баронета долгов — да он и сам не знал. Баронет, продавший офицерский патент в гвардейском полку и получивший наследство, может взять в долг очень много, и сэр Феликс сполна использовал эту привилегию. Жил он дурно во всех смыслах — сидел на шее у матери и сестры, так что им приходилось во всем себе отказывать, но пока ни та ни другая его не упрекала. Поведение отца и матери приучило Генриетту, что мужчине и сыну простителен любой порок, в то время как женщина, а особенно дочь, призвана быть образцом добродетели. Урок этот она усвоила настолько рано, что не считала такой порядок несправедливым. Она горевала из-за беспутства сэра Феликса, потому что он губит себя, но совершенно извиняла его в том, что затрагивало ее. Она находила естественным служить брату и не роптала, что он, прожив свое состояние, проживает состояние матери, вынуждая их урезать и без того скромные расходы. Генриетту приучили думать, что мужчины в том слое общества, к которому она принадлежала от рождения, всегда всё проживают.

Чувства матери были не столь благородны — или, правильно сказать, не столь безупречны. Мальчик, красивый как бог, был светом ее очей, единственной отрадой ее сердца. Она почти не смела ему пенять, когда он проматывал наследство, не пыталась отворотить сына с гибельного пути. В детстве она баловала его во всем и продолжала баловать теперь, когда он стал взрослым. Она почти гордилась

его пороками и восхищалась поступками, которые, сами по себе не безнравственные, были губительны своей расчётливостью. Она настолько потакала сыну, что даже в ее присутствии он не стыдился своего эгоизма и словно не замечал, как другие из-за него страдают.

Так и получилось, что занятия литературой, начатые отчасти для развлечения, отчасти — чтобы пробиться в общество, стали тяжелой работой ради денег. Говоря друзьям-редакторам о своих трудах, леди Карбери не кривила душой. И ей казалось, что, в неких скромных пределах, у нее есть все основания для больших надежд. То и дело она слышала, что тот или иной писатель добился успеха или (что было еще ближе ее сердцу) что та или иная писательница много зарабатывает своими книгами. Почему бы ей не добавить еще тысячу фунтов к годовому доходу, чтобы Феликс мог снова жить как джентльмен и жениться на богатой наследнице, которая — леди Карбери была уверена — все исправит? Кто красивее ее сына? Кто более приятен в обращении? У кого больше дерзости — первого условия, чтобы заполучить богатую невесту? И к тому же брак с ним принесет его избраннице титул леди Карбери. Если заработать денег и пережить нынешние черные дни, все еще может обойтись благополучно.

Главным препятствием на пути к цели было, вероятно, убеждение леди Карбери, что нужно не писать хорошо, а добывать хвалебные отзывы. Она и впрямь много трудилась над своими книгами — во всяком случае, быстро мараля листы — и была от природы женщина умная. Она могла писать бойко и гладко, к тому же быстро усвоила навык растягивать все, что знала, на много страниц. Ее тщеславие не требовало написать хорошую книгу, но она очень старалась угодить критикам. Если бы мистер Брон сказал ей с глазу на глаз, что книга скверная, но притом расхвалил ее в «Утреннем завтраке», вряд ли личное мнение критика задело бы самолюбие леди Карбери. Она была насквозь фальшива, и все же, несмотря на фальшь, в ней было много хорошего.

Кто скажет, одно ли дурное воспитание испортило сэра Феликса, ее сына, или зло было в нем от рождения? Почти наверняка он стал бы лучше, если бы его в младенчестве забрали из дома и вырастили в нравственных правилах нравственные люди. С другой стороны, едва ли какое-либо воспитание или его отсутствие способно породить такую глухоту к чувствам других людей. Он даже собственных несчастий не мог ощутить, если они не затрагивали его сиюминутные удобства. Ему как будто не хватало воображения осознать будущие невзгоды, пусть до них оставался всего месяц, всего неделя — да хоть одна ночь. Он любил, когда его хвалят и ласкают, холят и вкусно кормят, и тех, кто так поступает, считал своими лучшими друзьями. У него были инстинкты лошади, недотягивающие даже до более высоких собачьих чувств. Сам он никогда и никого не любил настолько, чтобы отказаться от мгновенного удовольствия ради того, кого любит. Сердце у него было каменное. Притом он отличался красивой наружностью и быстрым умом. У него была смуглая кожа того оттенка, в котором чудится нечто аристократическое, и продолговатые карие глаза под идеальной аркой идеальных бровей. Волосы, почти совсем черные, он всегда стриг коротко; они были мягкие и шелковистые, но без того сального блеска, какой почти всегда бывает у смазливых брюнетов. Более же всего красоту его лица определяла точеная правильность носа и губ. Он носил усы, такие же прекрасно очерченные, как и брови, но не носил бороды. Подбородку его, при всей безупречности формы, недоставало того намека на сердечную мягкость, какой придает ямочка. Росту в нем было примерно пять футов девять дюймов, и фигура ничуть не уступала лицу. Мужчины признавали, а женщины в один голос твердили, что не рождался еще молодой человек красивее Феликса Карбери. И еще все соглашались, что он как будто не замечает собственной красоты. Он многим кичился — деньгами, жалкий глупец, пока их не спустил, титулом, местом в гвардии, пока не ушел оттуда, а особенно — превосходством своего модного интеллекта. Но притом ему хватало ума одеваться просто

Троллоп Э.

Т 71 Вот так мы теперь живем : роман / Энтони Троллоп ; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 896 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25101-4

Впервые на русском (не считая архаичных и сокращенных переводов XIX века) — один из главных романов британского классика, современная популярность которого в англоязычном мире может сравниться разве что со славой Джейн Остин и Чарльза Диккенса. «Троллоп убивает меня своим мастерством», — писал в дневнике Лев Толстой.

В Лондон из Парижа прибывает Огастес Мельмонтт, эс-квайр, владелец огромного, по слухам, состояния, способный «покупкой и продажей акций вознести или погубить любую компанию», а то и по своему усмотрению поднять или уронить котировку национальной валюты; прошлое финансиста окутано тайной, но говорят, «якобы он построил железную дорогу через всю Россию, снабжал армию южан во время Войны Севера и Юга, поставлял оружие Австрии и как-то раз скупил все железо в Англии». Он приобретает особняк на Гровенор-сквер и пытается купить поместье Пикеринг-Парк в Сассексе, становится председателем совета директоров крупной компании, сулящей вкладчикам сказочные прибыли, и баллотируется в парламент. Вокруг него вьются сонмы праздных аристократов, алчных нуворишей и хитроумных вдовушек, руки его дочери добиваются самые завидные женихи империи — но насколько прочно основание его успеха?..

Роман неоднократно адаптировался для телевидения и радио; наиболее известен мини-сериал Би-би-си 2001 г. (на российском телевидении получивший название «Дороги, которые мы выбираем») в постановке Дэвида Йейтса (впоследствии прославившегося четырьмя фильмами о Гарри Поттере и всеми фильмами о «фантастических тварях»). Главную роль исполнил Дэвид Суше, всемирно известный как Эркуль Пуаро в сериале «Пуаро Агаты Кристи» (1989–2013).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП
ВОТ ТАК МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Майя Лахути
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Иван Игнатьев, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.02.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 39,48. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-АКВ-34887-01-R